

вующей в их характере страстью, с изображением носителей этой страсти в старинной учительной литературе наглядно показывает иногда, как глубоко умела эта литература заглянуть во внутренний мир человека. Для иллюстрации этого вывода приведу один пример.

В группе поучений на тему «о скупости и несытости сребролюбца» (см. выше, стр. 18) рисуются те самые основные свойства характера и черты поведения скупого, которые Пушкин воплотил в образе Скупого рыцаря. Сын описывает скупого отца, подобно учительным «словам» не как «стяжанию своему господина, но стража и приставника и раба»:

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ, и сам им служит.
И как же служит? Как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки. . .

(Сцена I)

Так же и сребролюбец «утробу свою мучит голодом. . . зимою жметя. . .».

При виде открытых сундуков с сокровищами, подобно сребролюбцу, душа которого «тлеет, зрящи блистания златнаго», Барон восклицает:

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!..

(Сцена II)

«Слова» подробно описывали, с какими преступлениями связано собиране сребролюбцем богатства, в какие «печали» вгоняет он своих должников. И Барон, глядя на свое золото, вспоминает:

А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!..

(Сцена II)

Наконец, Барон, как и сребролюбец из «Поучения», сознает, что не он, а его наследник воспользуется накопленными им богатствами:

И потекут сокровища мои
В атласные дырявые карманы.
.
Он расточит. . . А по какому праву?

(Сцена II)

Конечно, скупой рыцарь как художественное воплощение скупости несравненно выше «сребролюбца» «немиловитового», «лихоимца» из древнерусских «поучений». Однако именно поставив их рядом с шедевром Пушкина, мы можем справедливо оценить, как глубоко умели проникать в «помыслы» и побуждения человека авторы дидактических произведений. И если создание в литературе человеческого характера, в котором все его отдельные черты объединялись бы в цельный образ, было еще не под силу молодой русской литературе, то мастерскому определению наиболее ярких проявлений этих черт человеческого характера и обусловленного ими поведения учили и произведения дидактической литературы. Книжные афоризмы сближались с народной мудростью, выраженной в пословицах, в которых к общечеловеческому опыту прибавлялся и национальный, накопленный веками и обусловленный своеобразием русской исторической действительности. К XVII в. появятся первые опыты создания социальных типов, почва для чего была подготовлена столетиями